

Deutsch-Russische Juristenvereinigung e.V.

Германо-Российская ассоциация юристов

**Интервью с профессором Райнером
Ведде, заместителем председателя
Германо-Российской ассоциации
юристов**

(Июнь 2016)

Профессор д-р Райнер Ведде (Prof. Dr. Rainer Wedde) преподает экономическое право в Бисбаденской Школе Бизнеса (Wiesbaden Business School) и является членом правления Висбаденского Института Права и Экономики (Wiesbaden Institute for Law and Economics).

Он получил юридическое образование в университетах г. Тюбингена (Tübingen), г. Эксан-Прованс (Aix-en-Provence, Франция), г. Дрездена (Dresden) и г. Фрайбурга (Freiburg/Breisgau), а также защитил докторскую диссертацию, посвященную российскому праву о несостоятельности (банкротстве), в университете г. Киля (Kiel).

После деятельности в качестве научного сотрудника в Техническом Университете г. Дрездена, Райнер Ведде несколько лет работал в качестве юриста в международных юридических фирмах в Берлине и Москве. В настоящее время он является советником (of counsel) в московском бюро юридической фирмы Weiten Burkhardt.

Уважаемый профессор Ведде, Вы являетесь заместителем председателя Германо-Российской ассоциации юристов. Как долго Вы в ассоциации? Какие задачи у Вас в правлении?

Насколько я помню, в ассоциацию, которая в то время называлась Ассоциацией германо-российского экономического права, я вступил в 2003 году по приглашению ее председателя Ханса Януса. В то время это было небольшое неформальное объединение, которое занималось российским правом на высоком уровне и, в основном, было сконцентрировано в Гамбурге и Берлине. С 2007 года я вносил свой вклад в расширение Ассоциации «на юг». В первую очередь мы учредили группу Рейн-Майн (г. Франкфурт-на-Майне и близлежащий регион). К настоящему времени мы представлены во многих городах Германии и – что меня особенно радует – также в Австрии и Швейцарии.

В 2011 году произошло слияние с подобной ассоциацией в Берлине, в которой я, как член правления обеих ассоциаций, интенсивно принимал участие. Это замечательно, что у нас теперь имеется крепкая структура и мы являемся основной площадкой для двустороннего юридического обмена.

Мои задачи в DRJV разнообразны. Я бы хотел выделить три, до сего времени проведенные, ежегодные конференции DRJV (DRJV-Jahrestagung), в организации которых я активно участвовал. То же самое относится и к конференциям по корпоративному праву (DRJV-Gesellschaftsrechtstag). Кроме этого, я руковожу жюри Германо-Российской юридической премии. А в текущем году я принимал участие в реализации нашего самого последнего проекта — создании Германо-Российского юридического журнала (DRRZ, см. <https://www.bwv-verlag.de/digibib/bwv/apply/content/opus/271766/>).

Какие преимущества предоставляет членство в Германо-Российской ассоциации юристов?

Тому, кто становится членом DRJV, прежде всего должна нравиться тема, и он должен иметь интерес к российскому праву. Мы все работаем на общественных началах; и это не могло бы функционировать без высокой внутренней мотивации.

Особенно в настоящее политически беспокойное время важно поддерживать двусторонний диалог на профессиональном уровне.

За эти годы нам удалось организовать невероятное количество мероприятий, преимуществами которых могут пользоваться наши члены. Региональные группы предлагают платформы во многих городах от Гамбурга до Цюриха; отраслевые группы приглашают к содержательному диалогу. Кроме этого, имеются регулярные конференции с высококвалифицированными экспертами из обеих стран. И, начиная с текущего года, Германо-Российский юридический журнал (DRRZ) является еще одним преимуществом членства.

Вы руководите жюри Германо-Российской юридической премии, которая в 2016 году будет предоставляться уже в шестой раз. Как возникла данная инициатива? Как развивается данный конкурс в последние годы?

Идея такой премии существовала уже давно. Это отличный способ задокументировать, насколько важен научный обмен. И победители рады моральной и материальной награде. Мне очень приятно, что премия вызывает такой большой интерес. До настоящего времени мы получили в общей сложности более 200 заявок из различных регионов России, Германии, Швейцарии и Австрии. Несмотря на кризис и в этом году поступило более 40 заявок.

Объявление конкурса предполагает также наличие достаточного количества спонсоров. В связи с этим я особенно благодарен спонсорам, которые сильно нас поддерживают, некоторые с самого начала возникновения премии. В этом году, несмотря на кризис, спонсоров больше, чем когда либо ранее. Это воодушевляющий знак.

Как бы Вы описали в нескольких предложениях российское гражданское право для немецкого юриста, которому никогда не приходилось сталкиваться с российской правовой системой?

Это сложно, но я попробую сформулировать в одном предложении: российское гражданское право является развившейся за очень короткое время частью континентально-европейской правовой системы, которая питается историческими и иностранными источниками и пока страдает от определенных недостатков практического применения и некоторых других «детских болезней».

Как Вы оцениваете большую реформу гражданского права в России? Какие нововведения в Гражданском Кодексе РФ Вы бы отметили как положительные? И что, по Вашему мнению, не совсем оптимально реализовано?

Реформа ГК — сложная задача, которая далека от завершения. Предстоят еще изменения в вещном праве и в отношении финансовых сделок. И после вступления

в силу правоприменительная и судебная практика должны приступить к реализации норм. Таким образом, реформа будет нас занимать еще несколько лет.

В рамках реформы введены многочисленные новации и скорректированы ошибочные развития. Я имею ввиду, например, новые правовые конструкции, такие как, опционные договоры, независимая гарантия, более ясная структура корпоративного права или укрепление принципа доверия.

При этом я не знаю, была ли необходима данная реформа в настоящее время. Российский законодатель чрезвычайно активен и принимает гораздо больше законов, чем, например, немецкий, особенно, если принимать во внимание конституционные законы, акты президента и постановления правительства.

Это, с моей точки зрения, скорее признак несовершенства, нежели показатель трудолюбия. Редакционные ошибки крайне редко корректируются судебной практикой, инновационные правовые конструкции не допускаются — законодатель должен сам это постоянно исправлять. Это таит в себе опасность стать в некоторой степени «игрой наперегонки» или «игрой в догонялки», так как перегружает законодателя. Законодатель должен регулировать основные моменты, а не заботиться о каждой детали.

Когда каждую правовую проблему пытаются решить через законодательную реформу, препятствуют необходимым изменениям в правоприменении. Законодатель может сколь угодно сильно стараться — всегда будет необходимость в коррекции. Лучшим примером этого были изменения норм, регулирующих аренду, которые были упразднены спустя всего несколько дней после поспешно принятого закона. Законы никогда не совершенны, и жизнь всегда готовит все новые вызовы.

Существует утверждение о том, что немецкие и российские правовые системы имеют довольно много общих черт. В чем это выражается?

Конечно, эту тесную связь нельзя отрицать. На протяжении веков всегда имел место живой обмен, даже несмотря на политические и идеологические различия. Во времена монархии многие российские юристы учились в Германии, через Балтику осуществлялся постоянный обмен. И даже во времена Советского Союза имелся оживленный контакт. После короткого флирта с англо-саксонской системой, российское право после 1998 года вновь сознательно обратилось к своим континентально-европейским корням.

Мы разделяем заинтересованность в систематическом рассмотрении права, в конструкции большой закрытой системы. Это не случайно, что немецкие классики юридической мысли, вероятно, нигде так не популярны, как в России. Каждый студент-юрист там знаком с Савиньи, Иерингом или Кельзенем.

Вероятно ни одна другая страна с 1993 года не работала так тесно с Россией в юриспруденции, как Германия. DRJV была лишь мозаичным элементом в общей

картине. В этом плане две вещи пошли нам на пользу. Во-первых, опыт преобразований, которые мы реализовали также в своей стране. Во-вторых, языковые навыки, ведь у нас огромное число людей говорят по-русски и/или имеют русские корни. Таким образом, у нас плодотворное содействие, которое несомненно переживет текущую отчужденность.

В будущем будет необходимо смотреть в обоих направлениях, то есть воспринимать сравнительное правоведение не только как односторонний процесс. В период больших реформ в России это было, вероятно, неизбежно, однако больше не оправдано.

Что, с Вашей точки зрения, является причиной того, что российские корпоративные юристы и правовые консультанты часто подчиняют договоры и сделки действию английского права и формулируют оговорку о разрешении споров в пользу английских судов и третейских судов?

В некоторых правовых областях это совершенно нормально, так как для них только англо-саксонское право предлагает необходимые инструменты, как, например, в области международных финансовых рынков. Можно сокрушаться по этому поводу, но это не изменит ситуацию; таковы международные стандарты. Изменения этой ситуации вряд ли возможно добиться искусственно.

Иначе выглядит ситуация во многих других областях, в которых нет объективных оснований для применения англо-саксонского права. Здесь необходимо без зависти признать, что коллеги из США и Великобритании больше преуспели в маркетинге. Кроме того, английские и американские консультанты в крупных юридических фирмах в большинстве своем, как правило, разбираются (уже по языковым причинам) только в своем праве.

Интересно, что политический разрыв с США до сих пор не затронул этой тенденции. Страна вновь рассматривается в качестве противника, и в то же время приоритетом российской политики объявлено улучшение позиции в находящемся под англо-саксонским влиянием рейтинге благоприятности условий ведения бизнеса.

Как вы полагаете, помогут ли в будущем новые правовые институты (такие как, например, гарантии, соглашения между участниками и т. д.), предотвратить или ограничить «бегство в иностранные правовые системы», и поспособствуют ли более частому применению российского права, в частности к экономическим транзакциям?

Все это шаги в правильном направлении, без сомнения. Но они, с моей точки зрения, скорее всего реализуются в неправильных местах. Побег к иностранному праву является скорее бегством от применения российского права. И это, само собой, невозможно устранить с помощью новых и более совершенных законов.

Побег в иностранное право будет сохраняться до тех пор, пока российские суды не станут существенно лучше, что означает также независимость от государственного влияния. До тех же пор, пока стороны выбирают, как правило, иностранные (арбитражные) суды, российское право будет оставаться на вторых ролях.

При этом российское право в некоторых областях вполне конкурентноспособно, временами даже очень хорошо. Но тогда действует правило о том, что хороший судья найдет хороший вывод даже в плохом праве, а плохому судье и хорошее право не поможет.

Вы специализируетесь, в том числе, на корпоративном праве. Каковы сходства и различия между немецким обществом с ограниченной ответственностью (GmbH) и обществом с ограниченной ответственностью по российскому праву (ООО)?

Здесь, действительно, имеется много общего. ООО — это старшая дочь ГмбХ (GmbH). Но в этом, на самом деле, нет ничего удивительного, так как ГмбХ, как изобретение немецкой юриспруденции, явилось отправной точкой для всех сопоставимых организационно-правовых форм.

Значительная разница существовала в отсутствии возможности совместного представительства, но законодатель реформой ГК 2014 г. закрыл этот пробел. Большие различия сохранились в праве сохранения капитала. Оно менее значительно выражено в российском праве, что, принимая во внимание небольшой размер минимального уставного капитала, неудивительно.

С некоторым беспокойством можно рассматривать текущие попытки ослабить принцип ограничения ответственности в ООО. В случаях злоупотребления это может быть весьма полезным, но не должно ставить под вопрос базовый принцип разделения имущественной массы.

Что обязательно следует знать немецкому директору или члену наблюдательного совета российской компании?

Прежде всего он должен принимать во внимание, что такая позиция предполагает большую ответственность — как, в общем, и в Германии или других странах. Генеральный директор несет ответственность во многих случаях, вплоть до возможной уголовной ответственности, как например, при несчастных случаях на производстве. В этом случае не поможет ни ссылка на отсутствие языковых навыков, ни факт пребывания на месте только один раз в месяц.

Созданная в 2014 году возможность для совместного представительства заставляет некоторых задуматься о тандеме на верхушке управления дочерней компании — российский генеральный директор, осуществляющий текущую деятельность, и немецкий генеральный директор, который время от времени контролирует. Такая конструкция возможна, но она не ведет к параллельному разделению ответственности. Таким образом, следует предостеречь от модели так называемого

«директора по завтракам» (Frühstücksdirektor). В одной компании я наблюдал ситуацию, когда два переводчика отвечали только за перевод всего, что должен был подписать генеральный директор. Мне это не кажется идеальным решением...

И, наконец, как генеральный директор я бы всегда настаивал на заключении договора страхования ответственности руководителей. В настоящее время такая страховка существует и в России.

В случае с советом директоров ситуация не такая острая, в первую очередь потому что члены совета не являются работниками, то есть для замещения этой позиции не требуется разрешение на работу. Кроме того, необходимо знать, что совет директоров в России выполняет не только контрольные функции.

Каковы существенные различия между немецким и российским трудовым правом?

Трудовое право - это прекрасный пример отрасли права, где Россия нас уже обогнала. В Германии до сих пор нет трудового кодекса, в то время, как в России он существует с 2001/2002 годов (в то время он занял место старого советского кодекса). К сожалению, необходимо добавить, что в Трудовой кодекс РФ постоянно вносят изменения.

На практике же правила похожи — защита работника, как структурно более слабой стороны, имеет первостепенное значение. Компании страдают в первую очередь от права работника прекратить трудовые отношения в короткие сроки. Данный момент не играет большой роли в период кризиса, но является ядом для высокоспециализированной экономики. Каждая инвестиция в работника является рискованной — то есть, в конце концов, такая ситуация часто наносит вред тому, кто нуждается в помощи.

Большая разница заключается в отсутствии в России права на участие в управлении предприятием. Участие работников в совете директоров или что-либо подобное не предусмотрено. И это вряд ли было бы полезным, так как совет директоров гораздо больше, чем просто контрольный орган, он также принимает стратегические решения. Нам следует признать, что право на участие в управлении предприятием (Mitbestimmung) и в Восточной Европе не станет экспортным шлягером.

В каких областях российского законодательства Вы видите необходимость дальнейших реформ, чтобы улучшить деловой и инвестиционный климат в России и повысить доверие российских и иностранных компаний к российской правовой системе?

Особенно важно, с моей точки зрения, и дальше укреплять институты, прежде всего, юстицию. В этом, несмотря на все усилия, прогресс еще недостаточен, хотя улучшения налицо. В частности, действующая административная юрисдикция

сыграла бы большую роль (при этом, не является решающим, будет ли это отдельная ветвь судебной системы).

Это выглядит так, как если бы российский законодатель осознавал, что экономике необходим воздух, чтобы дышать, но в тоже время пугался бы своей храбрости. Особенно характерным является Федеральный Закон № 294-ФЗ от 26.12.2008 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Закон содержит очень разумные правила, чтобы сделать контроль более предсказуемым и обеспечить верховенство закона. Однако с момента вступления в силу, десятки областей уже изъяты из области применения, что ставит под сомнение практический успех.

Другим примером являются особые экономические зоны или теперь вновь созданное специальное инвестиционное соглашение. До тех пор, пока необходимы специальные нормы и соглашения для привлечения инвесторов, законодатель не выполнил свое домашнее задание. Но следует признать, что это гигантская задача, тем более, что и во многих других странах политике сложно в действительности предоставить экономике свободу действия.

Имеются ли в российском праве элементы, которые Вы находите более современными по сравнению с соответствующими положениями в немецком праве? Какие аспекты или правовые институты российского права Вы бы с удовольствием увидели бы и в немецком праве?

Существует целый ряд примеров, так как крупные кодификации российского права временами реализовали очень инновационные правила. Иногда они имеют неприятные последствия, как например, так называемые общества с дополнительной ответственностью в корпоративном праве, где участники несут личную ответственность до определенной суммы за пределами уставного капитала. Неудивительно, что мало кому это нравилось, и поэтому данная правовая форма беззвучно исчезла в рамках недавней реформы ГК.

Иногда имеются и хорошие решения. Примером того является связывание корпоративного и трудового права при установлении правовой позиции генерального директора. С точки зрения корпоративного права важно, что он может быть отозван в любое время, если больше не пользуется доверием участников. Одновременно с этим по российскому пониманию он является работником и, вследствие этого, подлежит защите. Обе отрасли связаны между собой таким образом, что корпоративно-правовой отзыв директора автоматически прекращает и трудовые отношения, но также обуславливает и право на предоставление выходного пособия. Такой механизм лучше учитывает интересы, чем сложная ситуация в Германии.

Другим примером является систематика юридических лиц, которая обходится без странного института частично правоспособного общества. Это можно было бы

ввести и у нас в Германии. В то же время налогово-правовая ситуация приводит к тому, что в России практически нет обществ с персональной ответственностью (Personengesellschaften), т.е. полных товариществ и товариществ на вере (командитных товариществ). Когда минимальный размер уставного капитала такой низкий, и не имеется налоговых преимуществ, остается только личная ответственность — это никого не мотивирует к учреждению.

Тоже самое относится и к налоговому праву, которое существенно проще, чем в Германии. Тем не менее, у меня мало надежды на то, что немецкий законодатель в этой области готов учиться у России (или у иного государства).

И как раз для нас, для немцев, институт высокоспециализированных специалистов является большим облегчением, при желании работать в России. В этой области Россия разработала очень гибкую и простую систему, позволяющую привлечь международных специалистов без потери контроля над миграцией из ближнего зарубежья.

Как известно, российское право не имеет отдельного торгового кодекса. Какие преимущества и недостатки Вы видите в таком законодательном решении?

Это сложный вопрос, потому как немецкая система тоже не без проблем. Так, мы обсуждаем идею предпринимательского права, которое интегрировало бы и свободные профессии. Торговое уложение Германии (HGB) — очень хороший закон, но можно справедливо задаться вопросом, дает ли оно правильные ответы на все вопросы 21-ого века. И пример Украины показывает, что слишком широко сформулированный торговый кодекс не имеет смысла.

Важно только то, чтобы для всех участников правоотношений имелось подходящее регулирование. Немецкая система с особенно защищенным потребителем и особенно свободным предпринимателем определенно имеет смысл, в то же время достичь такие результаты возможно и без отдельного закона. И в России имеется множество специального регулирования для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Немецкие и российские судебные решения не признаются и не приводятся в исполнение в другой стране соответственно. Вы бы приветствовали заключение соглашения о взаимном признании и приведении в исполнение судебных решений? Насколько вероятно заключение такого соглашения в настоящее время?

Заключение двустороннего соглашения между Германией и Россией больше не принимается во внимание, потому что соответствующая компетенция находится в руках ЕС. Соответствующие инициативы уже имели место, но безуспешно. В любом случае это в разной степени касается государств-членов ЕС, потому что

Франция и так всегда, и Великобритания в отдельных случаях, признают российские решения. Мы в этом случае особенно строги.

Проблематичным является то, что ЕС в настоящее время занят собой и своими кризисами, и отношения с Россией напряжены. Кроме того, конечно, актуальное российское законодательство об исполнении Страсбургских решений, независимо от его правовых деталей, атмосферно не помогает изменить ситуацию в лучшую сторону.

В принципе, упрощение признания было бы желательно, так как большинство российских судебных решений отвечает европейским стандартам. Для остальных случаев достаточно оговорки о публичном порядке (*ordre public*) для предотвращения злоупотреблений.

Больше надежд я возлагаю на судебную практику. Было бы достаточно признать, что принцип взаимности соблюдается. В отдельных областях (как например, в законодательстве о несостоятельности) это уже функционирует и пока не вызывало каких-либо больших проблем.

Где вы видите германо-российские экономические отношения через пять лет? Полагаете ли Вы, что интенсивные торговые связи прошедших лет смогут восстановиться?

К сожалению, я не могу видеть будущее... потенциал для (нового) роста несомненно имеется. Размер, близость и взаимодополняемость рынков должны фактически вести к очень интенсивному обмену.

Кроме того — вне зависимости от политических проблем — Россия должна выполнить свое домашнее задание в экономической политике. Важно было бы, чтобы давно обещанная модернизация экономики наконец-то была реализована. С юридической точки зрения особенно не хватает надежных прозрачных институтов. Только с нефтью и газом, боюсь, мы вряд ли достигнем торговых рекордов, установленных до 2013 года.

Исходя из Вашего опыта, насколько выражен интерес ученых и юристов-практиков из стран СНГ к немецкому праву?

Интерес, с моей точки зрения, очень большой. Нас воспринимают как экономического тяжеловеса. И немецкая правовая наука высоко котируется. Это можно часто наблюдать в рамках летних школ и на конференциях. Данный феномен можно наблюдать не только в России, а также на Кавказе и в Украине.

Я обеспокоен тем, что данная традиция несколько страдает от того, что с обеих сторон наблюдается ослабление языковых навыков. Количество юристов, которые могут свободно общаться на немецком языке, как и прежде, высоко, однако снижается, в то время, как английский язык приобретает все большее значение. А

язык является важным доступом к праву. Если мы будем вынуждены объяснять российскому юристу наше право на английском языке, мы потеряем в привлекательности...

Каковы актуальные проблемы высшего образования в Германии и в России? Какие вызовы стоят перед юридическим образованием?

Юридическое образование в Германии находится в кризисе. Юристов-универсалов, которых мы все время декларируем, уже давно не существует. Идея о том, чтобы подготовить юристов ко всем правовым вопросам и после шести лет обучения и рефендариата выпустить в мир практики, больше не вписывается в сложный современный мир. Человек, к примеру, не идет с зубной болью к тому же врачу, что и при аппендиците. Адвокатура с адвокатами, имеющими дополнительную специализацию в конкретной отрасли, и фактической специализацией уже давно это поняла. Университеты руками и ногами защищаются от изменения статус-кво, которое привело бы к дополнительным усилиям и, с другой стороны, к передаче части компетенций высшим профессиональным школам и подобным заведениям. Здесь необходимо срочно что-то менять, тем более, что средств становится недостаточно.

В России, к сожалению, тоже не все идеально — здесь не хватает практического характера обучения. Дается много теоретических знаний, но недостаточно фактического применения знаний и обсуждения конкретных дел из практики. Тем не менее, если вы знаете, в каком молодом возрасте приступают к обучению в России, то очевидно, что высшее образование вначале похоже на школьное обучение. С другой стороны, в дикie 90-ые сплошь и рядом образовывались учебные заведения, которые не отвечают высоким стандартам качества... Здесь имеется срочная необходимость в лучшем контроле. И, наконец, в последнее время можно наблюдать, что международные контакты снова рассматриваются критически. При этом соответствующий обмен может принести обеим сторонам только пользу.

Вы бы посоветовали подрастающим немецким юристам, несмотря на ухудшение германо-российских (торговых) отношений, заниматься изучением правовых систем стран СНГ? Вы бы посоветовали поехать учиться на семестр по обмену, пройти практику или стажировку в странах постсоветского пространства?

Для чистых карьеристов Россия в настоящее время не является привлекательной, и не надо быть пророком, чтобы утверждать, что так будет продолжаться еще какое-то время. Но это не должно быть недостатком.

И без того, постсоветское пространство не является однородным. Страны Балтики являются членами ЕС и поэтому следуют иным правовым положениям нежели Россия. Молдавия и Украина идут по пути в направлении ЕС. Центрально-азиатские страны все больше подвергаются влиянию Китая, а Кавказ полностью

разнороден. Мне кажется, наследие СССР становится все слабее; еще одно поколение и останется только воспоминание. С другой стороны, Евразийский экономический союз (в котором Россия будет доминировать) играет важную роль. И этому, с моей точки зрения, у нас пока уделяется мало внимания.

Но я не придерживаюсь мнения о том, что следует принимать решение в пользу какой-то страны, региона или языка из чисто оппортунистических соображений. Это неправильная мотивация, хотя бы потому, что такую карьеру вряд ли можно планировать. Когда я в начале 80-х годов будучи учеником школы в Рурской области по совету моего отца начал изучать русский язык, было бы абсурдным делать это, руководствуясь мотивацией последующей работы в России. И тем не менее именно это решение позднее предоставило мне возможность много лет работать в Москве.

Тот, кого привлекает страна, люди и другая правовая культура, не должен пугаться плохих актуальных экономических показателей. В России фазы отдаления от Европы всегда сменялись эпохами сближения.

Однако я в целом обеспокоен тем, что в Германии наблюдается слишком мало интереса к другим странам, и не только, но в том числе, и к России. Еще меньше в центре внимания находятся такие страны, как Казахстан или Азербайджан. Здесь нам следует быть внимательными, чтобы не потерять в долгосрочной перспективе влияния в этих важных регионах мира.

В каких случаях (базовые) знания российского права могут быть полезны практикующему юристу в Германии?

Для практикующих в Германии юристов польза ограничена. Конечно, знание иностранного права всегда полезно для расширения горизонтов. Зарабатывать же на этом деньги в настоящее время скорее не представляется возможным.

С научной точки зрения я считаю возникающий Евразийский экономический союз исключительно увлекательной темой. Правовые основы этого союза в значительной степени копия права ЕС, но требования явно разные — уже потому, что Россия гораздо большую роль, чем Германия в ЕС. Нам следует следить за этим с большим интересом, так как здесь могут ожидать большие возможности.

Как, с Вашей точки зрения, в целом можно снова улучшить германо-российские отношения? Что для этого необходимо?

По политическим вопросам я не могу и не хотел бы много говорить. С правовой точки похоже действительно существует принципиальная проблема. В связи с кризисом в Украине Россия поставила под вопрос основополагающие принципы, которые способствовали мирному сосуществованию в Европе со времен второй мировой войны. Это, с моей точки зрения, объясняет и горячую реакцию.

Поэтому основополагающим должен быть вопрос, по каким принципам мы хотим жить в будущем в Европе и какие механизмы разрешения споров нам необходимы. И это определенно не военные методы! Ссылки на другие регионы мира также мало помогают. Подходящей платформой для обсуждения мог бы быть Совет Европы или ОБСЕ.

Необходимо продолжать диалог, к чему DRJV на своем уровне также интенсивно прилагает усилия. При этом, с моей точки зрения, необходимо четко разделять сферы. Если мы по политическим вопросам имеем разное мнение, это ни в коем случае не исключает диалога в науке, искусстве, культуре и т.д. Или, формулируя несколько юридически, — даже если в настоящее время по вопросам международного публичного права мы можем обмениваться только противоположными позициями, это не должно затрагивать конструктивный диалог по трудовому или антимонопольному праву.

Вы работали несколько лет в Москве и в настоящее время активно участвуете в германо-российских объединениях. Часто можно услышать, что немцы и русские похожи друг на друга. С другой стороны, в России есть поговорка «что русскому хорошо - то немцу смерть». По вашему мнению, испытывают ли ли русские симпатию к Германии

Если следовать духу закона по Монтескье, мы, как жители континентальных государств с большими лесными территориями, действительно должны быть юридически похожи. И вполне можно представить, что знаменитая русская душа и немецкий романтизм имеют сходства. Подружиться русскому и немцу легко, это я испытывал не раз.

Без сомнения, в России существует особое отношение к Германии. И можно долго дискутировать на тему, является ли это результатом того, что мы так похожи, или, наоборот того, что мы разные.

Какие межкультурные сходства или различия между Германией и странами постсоветского пространства — в особенности в профессиональной сфере (например, ведение переговоров или организация труда)- Вы бы отметили? Что следует и чего не стоит делать при общении с российскими деловыми партнерами?

В деловой жизни нас определенно отличает то, что немцы происходят из культуры доверия и поэтому не понимают, почему русские сначала ищут личного уровня общения, прежде чем переходят к делу. Этот личный уровень — ключ к успеху. Если есть межличностная «химия», от российских партнеров и сотрудников можно получить (практически) все.

Некоторые темы не следует затрагивать — наряду со второй мировой войной и ситуацией в Украине, это, прежде всего, политически щекотливые вопросы, такие как права гомосексуалистов или свобода прессы. В основном, русские по

сравнению с нами говорят менее открыто и расслабленно о своем государстве и его представителях. Немецкий предприниматель, предположительно, не был бы шокирован, если бы его российский партнер пошутил бы о прическе госпожи Меркель или об успехах немецкой футбольной команды. Он бы, возможно, даже присоединился. А наоборот это было бы скорее плохой идеей...

Вы знакомы с Россией очень много лет. Что, с Вашей точки зрения, изменилось за последние годы в лучшую и что в худшую сторону?

В позитивную сторону изменилось материальное положение. И даже кризисы последних лет (пока) не съели общее улучшение уровня жизни. В 90-е годы бедность и нужда многих людей были угнетающи. К счастью это в прошлом. В некоторых областях Россия нас даже перегнала. Например, интернет в больших городах работает лучше, чем у нас.

Беспокойство доставляет тот факт, что во взаимоотношениях все больше подчеркивается разрыв. Российское телевидение полностью переключилось в модус пропаганды — сообщения о Германии иногда настолько абсурдны, что даже кажутся комичными. К сожалению, это также знак политического манипулирования. Как ни странно, русские ни в коей мере не доверяют средствам массовой информации по внутривополитическим вопросам, но верят всему в отношении иностранных государств... В Германии наоборот можно все чаще наблюдать возрождение стереотипа «плохих русских».

Противостоять этой тенденции помогает индивидуальный обмен. Чем больше людей имеет собственную картину о другой стране и ее людях, тем лучше. Самым эффективным методом против актуального кризиса было бы каждый год приглашать по обмену сотни тысяч студентов на семестр обучения в каждую из стран. Но отчасти я боюсь, что это не особенно приветствуется.

Какие типичные немецкие качествагодились бы, на Ваш взгляд, в России? И наоборот: что Вы цените в России из того, чего нет в Германии?

Нам следует остерегаться рекомендовать русским что-либо сверхпоучительно. Это нехорошее начало для обмена. И если мы, немцы, пользуемся хорошей репутацией в России, возможно, как раз потому, что мы не знаем все лучше других, и полагаем, что каждый может реализовать свои идеи по всему миру.

Многие русские друзья говорят мне, что они с удовольствием имели бы немного больше немецкого порядка и структуры в их окружении. Они бы с удовольствием планировали долгосрочнее, что предполагает стабильные условия жизни.

В моей совместной работе с русскими я научился ценить две вещи: высокую степень лояльности, которая даже допускает недостатки для себя. И огромный творческий потенциал в решении проблем (что при определенных обстоятельствах само по себе может стать проблемой с юридической точки зрения...).

Какое интересное событие в России Вам наиболее запомнилось? Из какой ситуации Вы больше всего узнали о России?

К счастью у меня было столько интересных событий в России, что я не хотел бы присваивать им какой-бы то ни было рейтинг.

Вновь и вновь на меня производит впечатление то, насколько русские разделяют внутреннюю и внешнюю жизнь. Это можно заметить уже в русских многоэтажных домах. В то время как общие площади (лестничная площадка, газоны и т. д.) в основном потрепанные и развалившиеся, за квартирной дверью может прятаться роскошь и порядок. И в то время как на публике русские едва ли громко высказывают свое мнение, в квартире (чаще на кухне) происходят очень живые и спорные — в том числе политические — дискуссии.

Однажды я был свидетелем, как в метро один человек потерял сознание и никто не помог... Одновременно с этим я знаю, что могу в любое время позвонить русским друзьям, и мне будет оказан прием. Нам сложно понять такое четкое разделение частного и общественного, но это многое объясняет.

У Вас есть любимое место в России?

Когда я жил в Москве, особое удовольствие я получал, оставляя бетонную пустыню позади, посещая замки в окрестностях (Кусково, Останкино, Архангельское) с их парками, и лучше всего в конце лета на концерте.

Уважаемый профессор Ведде, большое спасибо за интересную беседу!

Интервью отражает исключительно личное мнение профессора Ведде и не является официальной позицией ассоциации DRJV.

Перевод на русский язык: Ольга Гончарова, ассистент правления DRJV